Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-200-205
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

МИТРОФАНОВ Александр Юрьевич,
Доцент, MBA, DBA, Ph.D., Лысьвенский филиал ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет» (ЛФ ПНИПУ), Российская Федерация, г. Лысьва,
e-mail: mitrofanov592@mail.ru

ПАРАДИГМА «СТИМУЛ–ДОСТАВКА» В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ США И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ВАКУУМА В РОССИЙСКОМ ИТ-СЕКТОРЕ

Аннотация. *В представленной работе осуществляется междисциплинарный сравнительно-правовой анализ утилитарной концепции регулирования интеллектуальных прав, доминирующей в правопорядке США, и традиционной антропоцентрической модели, имманентной цивилистической системе Российской Федерации, в контексте масштабного внедрения генеративных алгоритмов искусственного интеллекта. Автор доказывает, что консервативная автороцентрическая догматика статьи 1257 Гражданского кодекса РФ провоцирует возникновение латентного инвестиционного вакуума, императивно изымая результаты автономной машинной генерации из сферы правовой охраны. В качестве эффективного правового инструмента преодоления регуляторного лага предлагается доктринальная рецепция элементов американского экономического прагматизма посредством конструирования самостоятельного института смежных прав инвестора (организатора) в отношении объектов, сгенерированных высокоавтономными вычислительными системами.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, экономический утилитаризм, антропоцентризм, смежные права, защита инвестиций, Гражданский кодекс РФ, инвестиционный вакуум.*

Для цитирования: *Митрофанов А. Ю. Парадигма «стимул–доставка» в праве интеллектуальной собственности США и ее значение для преодоления инвестиционного вакуума в российском ИТ-секторе // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 200–205.*

MITROFANOV A.Y.,
Associate Professor, MBA, DBA, Ph.D., Lysva Branch of Perm National Research Polytechnic University (LF PNIPU), Lysva, Russian Federation

THE INCENTIVE–DELIVERY PARADIGM IN THE UNITED STATES INTELLECTUAL PROPERTY LAW AND ITS IMPORTANCE FOR OVERCOMING THE INVESTMENT VACUUM IN THE RUSSIAN IT SECTOR

Annotation. *This paper provides a cross-disciplinary comparative legal analysis of the utilitarian framework governing intellectual property rights in the United States and the traditional anthropocentric paradigm inherent to the civil law system of the Russian Federation, specifically within the context of the widespread integration of generative artificial intelligence algorithms. The author demonstrates that the conservative author-centric dogmatics of Article 1257 of the Civil Code of the Russian Federation provokes a latent investment vacuum by imperatively excluding autonomous machine-generated outputs from legal protection. As an effective legal instrument to address this regulatory lag, the author proposes a doctrinal reception of American economic pragmatism achieved through the construction of an independent related rights framework for investors (organizers) over objects generated by highly autonomous computing systems.*

Key words: *intellectual property, artificial intelligence, economic utilitarianism, anthropocentrism, related rights, investment protection, Civil Code of the Russian Federation, investment vacuum.*

For citation: *Mitrofanov A. Y. The incentive–delivery paradigm in the United States intellectual property law and its importance for overcoming the investment vacuum in the Russian it sector. Russian scientific bulletin. 2026;(11):200–205. (In Russ.).*

1. Introduction (Введение). Постановка проблемы регуляторного лага

Стремительное развертывание и сквозное внедрение систем генеративного искусственного интеллекта коренным образом трансформируют устоявшуюся архитектонику гражданского оборота нематериальных активов. Текущий беспрецедентный технологический скачок вступил в глубокое системное и методологическое противоречие с классическими доктринами и институтами права интеллектуальной собственности. Появление высокоавтономных вычислительных комплексов, способных без прямого антропогенного участия продуцировать высококачественные текстуальные массивы, графические объекты, музыкальные произведения и программные коды, наглядно обнажило феномен регуляторного лага — критического и прогрессирующего отставания позитивного правотворчества от динамики реальных социально-экономических и имущественных отношений. Перед современной цивилистической наукой возник фундаментальный цивилизационный вызов: с одной стороны, необходимо гарантировать незыблемость личных неимущественных и исключительных прав традиционных авторов — физических лиц, а с другой — сформировать адекватные правовые условия для привлечения венчурного капитала и защиты интересов высокотехнологичного бизнеса. Разрешение указанной дилеммы требует проведения глубокого сравнительно-правового анализа двух полярных методологических парадигм: прагматичного экономического утилитаризма США и строгого авторо-центричного формализма пандектного толка, традиционно принятого в Российской Федерации и Европейском Союзе [1, с. 88].

В отсутствие своевременной концептуальной перестройки институтов частного права отечественная индустрия информационных технологий рискует столкнуться со стагнацией. Разработчики программного обеспечения и инвесторы, направляющие колоссальные финансовые ресурсы на приобретение дорогостоящего оборудования и аренду облачных вычислительных мощностей, лишены легальных инструментов капитализации результатов функционирования созданных ими систем. Отсутствие определенности в вопросе о правовой принадлежности машинных объектов выталкивает данный сектор в «серую» зону оборота, где защита прав осуществляется преимущественно квазиправовыми или чисто техническими методами, что существенно сдерживает легитимный оборот цифровых благ [4, с. 81].

2. Methods (Методы исследования).

Методологическую основу настоящего междисциплинарного исследования составляет комплекс общенаучных и специальных юридических инструментов познания, применение которых позволило обеспечить системный, верифицируемый и объективный характер анализа.

Формально-юридический метод использован для догматического толкования норм действующего российского законодательства, опосредующего оборот цифровых и интеллектуальных прав (включая ст. 1228, ст. 1257, ст. 1270, ст. 1334 ГК РФ), а также для дескриптивного правового анализа алгоритмов функционирования нейросетевых систем [13].

Сравнительно-правовой метод применялся при компаративном сопоставлении регуляторной парадигмы «стимул–доставка», сложившейся в правопорядке США, нормативных барьеров Европейского Союза и отечественной правовой доктрины.

Метод технико-юридического моделирования позволил сопоставить архитектуру программной генерации данных со сложившимися классическими цивилистическими конструкциями исключительных и смежных прав.

Инструментарий экономического анализа права (Law and Economics) выступил базисом для оценки эффективности существующих правовых режимов с точки зрения минимизации транзакционных издержек инвесторов и преодоления рыночных дисбалансов в ИТ-секторе.

3. Results (Результаты исследования).

3.1. Экономический утилитаризм права США: депоэтизация автора

Правовая система Соединенных Штатов Америки демонстрирует высочайшую степень адаптивности к радикальным технологическим инновациям, что предопределено закрепленной на конституционном уровне утилитарной (инструментальной) концепцией интеллектуальных прав. Согласно положениям статьи 1 (раздел 8, пункт 8) Основного закона США, Конгресс наделен полномочиями содействовать развитию науки и полезных ремесел посредством краткосрочного закрепления за авторами и изобретателями ис-

ключительных прав на их произведения и открытия [2, p. 219].

Телеологический и экономический анализ указанной конституционной нормы наглядно демонстрирует, что американский правопорядок трактует исключительные права вовсе не как естественное, неотчуждаемое право создателя, а исключительно как искусственный экономический стимул, предоставляемый государством в рамках своеобразного общественного договора ради максимизации долгосрочного научно-технического прогресса. Личная или индивидуальная выгода автора в данной парадигме вторична и полностью подчинена публичным интересам общества.

Обозначенную позицию на протяжении двух столетий последовательно подтверждает в своих решениях Верховный суд США (SCOTUS). Так, в классическом прецеденте Mazer v. Stein судебная инстанция прямо указала, что экономическое поощрение авторов является лишь эффективным прагматичным инструментом продвижения общественного благосостояния через раскрытие талантов создателей. Позднее, в рамках дела Twentieth Century Music Corp. v. Aiken, судьи вновь подчеркнули безусловный приоритет публичных целей распределения знаний над частным доходом конкретного правообладателя [3, p. 156].

В эпоху цифровизации утилитарный подход получил глубокое доктринальное развитие в рамках чикагской школы экономического анализа права Р. Познера и У. Ландеса. С этих позиций легальная правовая монополия признается экономически оправданной лишь в той мере, в какой она выступает инструментом преодоления «фиаско рынка» (market failure) и стимулирует осуществление долгосрочных инвестиций в новые высокотехнологичные разработки [4, с. 50].

Указанный рыночный прагматизм предопределил и текущую реакцию американских институтов на вызовы генеративного искусственного интеллекта. Бюро по авторскому праву США (USCO), а также Федеральный окружной суд округа Колумбия в рамках знакового судебного разбирательства по делу Thaler v. Perlmutter (2023 г.) безальтернативно отказали в признании авторских прав на объекты, созданные автономными алгоритмическими системами без определяющего, прямого антропогенного участия (так называемый критерий обязательного человеческого авторства — Human Authorship Requirement) [5, p. 143].

Мотивы данного отказа носят сугубо утилитарный характер: нейросети и многопараметрические большие языковые модели полностью лишены биологического сознания, не обладают материальными потребностями и объективно не требуют предоставления личных финансовых стимулов для продолжения генерации цифрового контента. Наделение искусственного интеллекта статусом субъекта авторского права экономически нецелесообразно, поскольку ведет к созданию избыточных, вредных для рынка правовых монополий и искусственно сужает сферу общественного достояния (public domain).

При этом американская правовая система компенсирует жесткость данного правила посредством доктрины «произведений, созданных по найму» (Work Made for Hire), позволяющей признавать первоначальным законным правообладателем юридическое лицо — инвестора, если у истоков проектирования и настройки алгоритма стоял хотя бы минимальный творческий вклад человека, выразившийся в определении параметров системы (критерий «искры креативности» — modicum of creativity) [6, p. 345].

3.2. Антропоцентризм права РФ и ЕС: доктринальный кризис

Диаметрально противоположная теоретическая и ценностная база доминирует в континентальных правопорядках, включая Российскую Федерацию и государства Европейского Союза. Здесь исторически преобладает строго антропоцентрическая модель, восходящая к естественно-правовой концепции личных прав (droit d'auteur) И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Результат интеллектуальной деятельности в данной парадигме признается непосредственной эманацией человеческого духа и материальной объективацией уникальной личности конкретного творца, а государство лишь признает и защищает неотъемлемое право человека на плоды его ментального труда. В российском позитивном праве данный методологический принцип возведен в ранг жесткого законодательного императива. Согласно императивной норме статьи 1257 ГК РФ, автором произведения гражданина признается исключительно физическое лицо, чьим непосредственным творческим трудом оно было создано [7, ст. 5496]. В развитие данного положения норма статьи 1228 ГК РФ полностью исключает возможность возникновения авторских прав у любых субъектов (как физических, так и юридических лиц), не внесших личного творческого вклада в создание объекта. Отечественная правоприменительная практика, включая руководящие разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23 апреля 2019 года, непреклонно рассматривает любые компьютерные алгоритмы и системы лишь в качестве сугубо технических инструментов деятельности, функционально аналогичных механической фотокамере или традиционной кисти художника [8, п. 80]. В ситуации, когда все участие

человека в процессе генерации свелось исключительно к формулированию текстового запроса (промпта) для нейросети, итоговый результат признается законом полностью лишенным творческого субстрата и безальтернативно исключается из сферы правовой охраны.

Сходный бескомпромиссный антропоцентризм характерен и для наднационального правопорядка Европейского Союза. Суд ЕС (CJEU) в рамках прецедентного решения по делу Infopaq установил, что любой цифровой объект может быть взят под охрану авторским правом только в том случае, если он представляет собой «собственное интеллектуальное творение автора», наглядно отражающее его индивидуальность, уникальные личностные характеристики и свободный творческий выбор [9, para 37]. Таким образом, в Российской Федерации и Европейском Союзе автономный контент, сгенерированный системами искусственного интеллекта, полностью выведен за рамки авторско-правовой охраны. Однако догматический формализм и консерватизм континентальной правовой семьи провоцируют возникновение опасного инвестиционного вакуума. Технологические компании, вкладывающие колоссальные объемы венчурного капитала в закупку дефицитных вычислительных мощностей, разработку архитектуры нейросетей и агрегацию обучающих массивов данных, оказываются абсолютно беззащитными перед лицом недобросовестной конкуренции. Результаты их масштабной и высокозатратной коммерческой деятельности мгновенно переходят в категорию общественного достояния, в силу чего могут быть безвозмездно скопированы и использованы любыми третьими лицами. Континентальное право в его нынешнем состоянии демонстрирует очевидное бессилие перед задачей защиты инвестиционного, нетворческого труда в рамках классических институтов авторского права [10, с. 14].

4. Discussion (Обсуждение). Разработка авторской нормативной модели

Для оперативной ликвидации выявленного регуляторного лага и преодоления затяжного инвестиционного вакуума в отечественном ИТ-секторе требуется взвешенная адаптация ключевых элементов американского утилитарного прагматизма к архитектонике российской правовой системы. Вместе с тем прямой, механический перенос англосаксонских правовых фикций (таких как признание корпорации первоначальным автором или наделение алгоритма элементами электронной правосубъектности) представляется недопустимым, поскольку он глубоко чужд отечественной цивилистической традиции и разрушает логику пандектной системы. Как обоснованно указывает М. А. Рожкова, искусственный интеллект и цифровые активы требуют пересечения и взаимной увязки правовых режимов, но без размывания классического понимания человеческого творчества [11, с. 53]. Развивая эту мысль, В. А. Лаптев подчеркивает, что смарт-контракты и цифровые платформы автоматической фиксации прав должны опираться на четкие легальные дефиниции субъектов гражданского оборота [1, с. 81]. Е. А. Суханов также неоднократно предостерегал от искусственного конструирования «электронных лиц», указывая на необходимость использования классического инструментария обязательственного и смежного права [12, с. 112]. Оптимальным и наиболее гармоничным решением видится задействование проверенного европейским и российским законодателем института смежных прав особого рода (sui generis), созданного по точной методологической аналогии с существующими механизмами защиты прав изготовителей баз данных (ст. 1334 ГК РФ) или публикаторов (ст. 1337 ГК РФ). Обозначенный подход позволит защитить финансовые вложения инвесторов, не посягая при этом на антропоцентрическую природу авторского права. Для нормативного воплощения данной концепции предлагается модернизировать Главу 71 Гражданского кодекса РФ, дополнив её самостоятельным параграфом 6: «Права лица, организовавшего создание объекта системой искусственного интеллекта». Данный законодательный блок должен включать в себя две базовые статьи, четко детерминирующие субъектный состав, объект и содержание нового правового режима:

«Статья 1344.1. Лицо, организовавшее создание объекта системой искусственного интеллекта

Лицом, организовавшим создание объекта графического, текстового, аудиовизуального или иного характера посредством генеративной системы искусственного интеллекта (организатором создания объекта искусственного интеллекта), признается гражданин или юридическое лицо, обеспечившее организационные, финансовые, технологические или интеллектуальные предпосылки, необходимые для функционирования данной системы и генерации указанного объекта.

При отсутствии доказательств иного организатором создания объекта искусственного интеллекта признается лицо, обладающее законным правом использования (включая право собственности на аппаратные комплексы или право использования программного обеспечения по лицензионному договору) вычислительной системы,

с помощью которой был сгенерирован данный объект.

Системой искусственного интеллекта в целях настоящей статьи признается программно-аппаратный комплекс, функционирующий на основе многопараметрических нейросетевых алгоритмов и способный в автоматическом режиме без прямого пошагового контроля со стороны человека создавать объекты, внешне схожие с результатами творческого труда человека.»

«Статья 1344.2. Исключительное право организатора создания объекта искусственного интеллекта

Лицу, организовавшему создание объекта системой искусственного интеллекта, принадлежит исключительное право использовать данный объект в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на объект искусственного интеллекта).

Организатор создания объекта искусственного интеллекта вправе по своему усмотрению разрешать или запрещать третьим лицам использование указанного объекта. Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением).

Исключительное право на объект искусственного интеллекта возникает в момент окончательного завершения процесса его машинной генерации (фиксации в информационной системе) и действует в течение десяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом его создания.

Положения настоящего параграфа не распространяются на личные неимущественные права. В отношении объектов искусственного интеллекта не возникают права автора, предусмотренные Главой 70 настоящего Кодекса».

Conclusion (Выводы и предложения)

Проведенное сравнительно-правовое исследование парадигмы «стимул–доставка» в праве США и её сопоставление с отечественными цивилистическими реалиями позволяет сформулировать следующие итоговые выводы:

Институциональная недостаточность авторского права.

Традиционные авторско-правовые институты континентальной правовой семьи, скованные жесткими рамками антропоцентризма (ст. 1257 ГК РФ), функционально непригодны для регулирования результатов деятельности искусственного интеллекта. Попытки искусственного отыскания «творческого вклада» человека в составлении промптов ведут к девальвации понятия творчества и подрывают методологическую чистоту цивилистики.

Ликвидация инвестиционного вакуума.

Отсутствие правовой охраны для результатов высокоавтономной машинной генерации лишает ИТ-индустрию экономических стимулов и создает латентные риски экспроприации данных конкурентами. Внедрение предложенной авторской модели смежного права особого рода (sui generis) позволит эффективно защитить венчурные инвестиции в сектор больших данных и генеративных систем, не нарушая при этом классических канонов охраны прав авторов — физических лиц.

Обеспечение баланса интересов.

Установление десятилетнего срока действия исключительного права инвестора (в противовес пожизненному и семидесятилетнему срокам в авторском праве) выступает оптимальным балансом между коммерческими интересами разработчиков ИИ и публичными интересами общества, предотвращая монополизацию рынка и гарантируя своевременный переход машинных объектов в сферу общественного достояния.

Список литературы:

[1] Лаптев В. А. Смарт-контракты в системе фиксации прав на цифровые активы // Государство и право. — 2023. — № 4. — С. 81–92.

[2] The Constitution of the United States of America: Analysis and Interpretation. — Washington : Government Printing Office, 2012. — 2548 p.

[3] Judgment of the Supreme Court of the United States in Twentieth Century Music Corp. v. Aiken, 422 U.S. 151 (1975).

[4] Познер Р., Ландес У. Экономическая структура правового регулирования интеллектуальной собственности / пер. с англ. — М. : Изд. Института Гайдара, 2018. — 424 с.

[5] Judgment of the United States District Court for the District of Columbia in Thaler v. Perlmutter, No. 1:22-cv-01564 (D.D.C. Aug. 18, 2023).

[6] Nimmer M. B., Nimmer D. Nimmer on Copyright. — New York : Matthew Bender & Co., 2022. — Vol. 2. — 840 p.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2019. — № 92.

[9] Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 16 July 2009 in Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening, Case C-5/08, ECLI:EU:C:2009:465 // Reports of Cases. — 2009.

[10] Савельев А. И. Научно-практический комментарий к статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (цифровые права) // Вестник гражданского права. — 2021. — № 2. — С. 82–116.

[11] Рожкова М. А. Искусственный интеллект и цифровые активы: пересечение правовых режи-

мов // Журнал российского права. — 2024. — № 1. — С. 49–61.

[12] Суханов Е. А. Проблемы кодификации законодательства о вещных правах и вызовы цифровизации // Вестник экономического правосудия РФ. — 2023. — № 9. — С. 104–118.

[13] Фролов И. В. Цифровые активы в конкурсной массе: проблемы формирования и реализации // Предпринимательское право. — 2023. — № 3. — С. 41–50.

References:

[1] Laptev V. A. Smart contracts in the system of fixing rights to digital assets // State and law. — 2023. — № 4. - S. 81-92.

[2] The Constitution of the United States of America: Analysis and Interpretation. — Washington : Government Printing Office, 2012. — 2548 p.

[3] Judgment of the Supreme Court of the United States in Twentieth Century Music Corp. v. Aiken, 422 U.S. 151 (1975).

[4] Posner R, Landes U. Economic Structure of Intellectual Property Law/trans. From English - M.: Ed. Gaidar Institute, 2018. - 424 s.

[5] Judgment of the United States District Court for the District of Columbia in Thaler v. Perlmutter, No. 1:22-cv-01564 (D.D.C. Aug. 18, 2023).

[6] Nimmer M. B., Nimmer D. Nimmer on Copyright. — New York : Matthew Bender & Co., 2022. — Vol. 2. — 840 p.

[7] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 52 (part 1). - Art. 5496.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. — 2019. — № 92.

[9] Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 16 July 2009 in Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening, Case C-5/08, ECLI:EU:C:2009:465 // Reports of Cases. — 2009.

[10] Savelyev A. I. Scientific and practical commentary on Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation (digital rights) // Bulletin of Civil Law. — 2021. — № 2. - S. 82-116.

[11] Rozhkova M.A. Artificial intelligence and digital assets: intersection of legal regimes // Journal of Russian Law. — 2024. — № 1. - S. 49-61.

[12] Sukhanov E. A. Problems of codification of legislation on property rights and challenges of digitalization // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. — 2023. — № 9. - S. 104-118.

[13] Frolov I.V. Digital assets in the bankruptcy estate: problems of formation and implementation // Entrepreneurial law. — 2023. — № 3. - S. 41-50.

